

в «Spectateur du Nord» Карамзин называет «Слово» «Песнью». Вероятнее всего, что это восходит к заглавию перевода XVIII в. В своей следующей статье, посвященной «Слову о полку Игореве», — в очерке о Бояне в «Пантеоне российских авторов» Карамзин уже пишет «Слово о полку Игореве». В «Истории государства Российского» всюду, без исключения, Карамзин употребляет только название «Слово о полку Игореве», хотя, как известно, первое издание имело заглавие «Ироическая песнь о походе на половцов удельнаго князя Новагорода Северскаго Игоря Святославича».

У нас имеется убедительное свидетельство того, что Карамзину был известен перевод «Слова о полку Игореве» того вида, который дошел до нас в трех списках XVIII в. В двух списках этого перевода перед вступительной статьей «Историческое содержание сей поемы» читается небольшое письмо какого-то лица кому-то, послывавшего интересующий нас перевод. В этом письме имеется такая фраза: «В переводе ж сем не сохранено ни оригинальности древняго, ни ясности нынешняго диалекта; то в рассуждении сего и хотелось мне очистить его от всех пустяков, сделать приятным для чтения и в примечаниях объяснить обстоятельства историческия; но оригинал затерялся у Николая Михайловича, а у меня также был список перевода, несколько уже выправленной».⁴ Все исследователи, останавливавшиеся на этом переводе, считают, что под Николаем Михайловичем имеется в виду Н. М. Карамзин.

В своем письме в «Spectateur du Nord» Карамзин высказывает самое общее мнение о «Слове». Создается даже впечатление, что в то время, когда он писал это письмо, у него не было перед глазами «Слова» и говорил он о нем лишь по памяти. Пересказывая своими словами фразу оригинала «О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталь, скача славню по мыслену древу...» («Ах, я чувствую, что кисть моя слаба и бессильна; я не обладаю талантом великого Баяна — соловья минувших времен»), Карамзин пишет, что автор произведения восклицает это, «рисую картину кровавой битвы». На самом же деле это обращение автора «Слова» к Бояну находится в начале памятника, в рассказе о сборах в поход, где пока еще ни о каких «картинах кровавой битвы» речи нет. По-видимому, в это время, в 1797 г. (а может быть, письмо было написано и раньше, а напечатано в этом году), Карамзин имел о «Слове» самое общее представление и мало им интересовался.

Некоторые исследователи «Слова» считают, что представление о «Слове о полку Игореве» как произведении оссиановского духа, господствовавшее в начале XIX в., восходит к высказыванию по этому поводу Н. М. Карамзина в письме 1797 г. Едва ли это так. Наибольшее увлечение Карамзина Оссианом наблюдалось в 80-х годах XVIII в. К концу 90-х годов отношение его к Оссиану стало более умеренным.⁵ И в письме в «Spectateur» Карамзин, сравнивая «Слово» с Оссианом, делает это не потому, что видит внутреннюю общность между «Словом» и Оссианом, а для того, чтобы подчеркнуть значение и важность найденного древнерусского произведения: «... в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием „Песнь воинам Игоря“, который может быть поставлен наряду с прекраснейшими произведениями Оссиана». Поэтому у нас нет основания считать, что сравнение «Слова» с Оссианом в предисловии к первому изданию «Слова о полку Игореве» восходит к письму Карамзина. В первом издании подчеркивается внутренняя, по мнению автора

⁴ Там же, стр. 335—336.

⁵ В И Маслов. Оссианизм Карамзина. Прилуки, 1928, стр. 16.